

K. Ritter

Univ. of  
California

Е v r o п a  
**Е В Р О П А**  
—

**КАРЛА РИТТЕРА**

---

**ЛЕКЦІИ**

**ЧИТАННЫЯ ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ**

■

**ИЗДАНЫЯ**

**Г. А. ДАНИЛИШЪ**

**ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО**

**ЯКОВА ВЕЙНБЕРГА**

---

**МОСКВА**

**Издание книгопродавца А. И Глазунова**

**1864**

ТО МОЮ  
ДВЕРЬЮ

Дозволено цензурой. Москва. Августа 24 дня, 1864 года.

МЦЕНКОВ ПИШЕВ

Въ типографіи Грачева и комп.

G.B.171  
R525

## ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемыя нынѣ лекціи Карла Риттера, къ Европѣ относящіяся, въ переводѣ на русскій языкъ, вмѣстѣ съ двумя другими посмертными сочиненіями знаменитаго географа: «Общее Землевѣдѣніе» и «Исторія Землевѣдѣнія» должны пополнить собою значительный пробѣлъ въ нашей отечественной литературѣ по части сочиненій географическихъ, особенно же физико-географическихъ.

Изученіе Европы, какъ видно изъ оставшихся рукописей Риттера, занимало великаго географа въ продолженіи всей его жизни и не мало способствовало къ прославленію его имени. Сочиненіемъ, относящимся къ Европѣ, началъ онъ свое ученое поприще и трудъ свой продолжалъ неуспынно, совершенствуя его послѣдовательными изысканіями. Основная мысль, высказанная въ Общемъ Землевѣдѣніи относительно всѣхъ вообще частей свѣта, въ предлагаемомъ сочиненіи развивается весьма подробно, имѣя въ виду одну лишь наименьшую часть свѣта — Европу. Основную эту идею, составляющую сущность всѣхъ трудовъ Риттера и высказанную имъ во всѣхъ многочисленныхъ его сочиненіяхъ, можно формулировать слѣдующими двумя положеніями: 1) Земной шаръ не есть безжизненная масса, а организмъ, члены котораго — части свѣта — находятся другъ отъ друга въ строгой зависимости; взаимная связь между частями необходимо обуславливаетъ существованіе цѣлаго организма. Показать органическую жизнь нашей планеты, указать на роль, которую въ этомъ отношеніи играетъ каждый изъ ея членовъ, — вотъ задача, которую предложилъ себѣ Риттеръ. 2) Каждый народъ могъ сдѣлаться и дѣйствительно сдѣлался только тѣмъ, чѣмъ могъ онъ быть подъ вліяніемъ внѣшней обстановки, т. е. подъ вліяніемъ той страны и той ча-

сти свѣта, которая Провидѣніемъ назначена была для земнаго его пребыванія. Отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ физическихъ условій мѣстности и отъ положенія ея относительно океана и другихъ странъ зависѣло болѣе или меньшее умственное и нравственное развитіе народа, обитающаго въ этой странѣ, зависѣло матеріальное благосостояніе и историческая его судьба.

Вотъ два положенія, истину которыхъ надлежало доказать относительно Европы. Задача эта, по истинѣ великая и многотрудная, рѣшается блистательно; на каждомъ шагѣ является громадная ученость и удивительное остроуміе, которыми всегда отличался величайшій географъ всѣхъ временъ и народовъ. Первая часть сочиненія доказываетъ преимущество Европы предъ другими частями свѣта; авторъ указываетъ на каждое изъ этихъ преимуществъ и ничтожное, повидимому, обстоятельство вдругъ получаетъ огромную важность. Съ изумленіемъ замѣчаетъ читатель, что факты, которые каждый изъ насъ зналъ давнымъ давно или полагалъ что знаетъ, подъ перомъ знаменитаго ученаго получаютъ совсѣмъ другое, міровое значеніе и осмысливаются, потому что въ нихъ проявляется органическая жизнь планеты. Затѣмъ авторъ обращается къ спеціальному описанію Европы. Статьи о Кавказѣ и Уралѣ изложены тщательно и съ любовью, что конечно особенно дорого для насъ, русскихъ. Послѣ описанія Карпатскаго хребта, авторъ разсматриваетъ весьма подробно рѣчные бассейны Европы и затѣмъ переходитъ къ описанію Альпійскаго хребта. Тутъ не знаешь чему болѣе удивляться, — изобилію ли фактовъ или необыкновенному искусству вмѣстѣ огромный матеріалъ въ столь тѣсныя рамы, притомъ не теряясь въ частности и оставаясь всегда вѣрнымъ основной мысли — показать вліяніе Альпійскаго хребта на среднюю Европу. Эта часть сочиненія не только можетъ служить отличнымъ руководствомъ къ географіи, но и *vademecum* для путешественника по Германіи и Швейцаріи. Далѣе разсматриваются три южные полуострова: Греція, Италія и Испанія и между ними проводится превосходная параллель; читатель въ физическомъ очерчаніи этихъ странъ видитъ какъ въ зеркалѣ отраженіе ихъ историческихъ судебъ. Особенно подробно описана Испанія, бывшая до сихъ поръ для географовъ *terra incognita*; смѣло можно сказать, что относительно этой страны предлагаемое сочиненіе играетъ ту же роль, какъ знаменитая «*Erdkunde*» относительно Азіи, хотя конечно въ болѣе сжатомъ видѣ. Сочиненіе оканчивается описаніемъ сѣверо-западныхъ

оконечностей Европы. Глава эта есть какъ бы результатъ предъидущихъ изслѣдованій: немного уже словъ нужно было Риттеру, чтобы уяснить читателю, почему, напримѣръ, Англія стала тѣмъ политическимъ колоссомъ, которому справедливо удивляется современный міръ.

При переводѣ главной нашей заботой было по возможности вѣрно и точно передавать смыслъ подлинника. Подъ перомъ писателей каковы Гумбольдтъ и Риттеръ, каждое слово получаетъ особенную силу и значеніе, не говоря уже о терминахъ, вновь введенныхъ ими въ науку, а это всегда долженъ имѣть въ виду переводчикъ. Въ какой мѣрѣ это достигнуто — судить не намъ.

Москва.

20 августа 1864.



*Европа* есть самая меньшая изъ трехъ частей свѣта составляющихъ древнѣй міръ. Предметомъ настоящаго нашего разсужденія будетъ спеціальное изслѣдованіе этой малой части свѣта. Мы должны опредѣлить отношенія ея къ цѣлому организму, ибо Европа составляетъ часть бѣльшей единицы, принадлежащей органическому міру. Мы рассмотримъ сначала общія физическія свойства древняго міра и видоизмѣненія ихъ въ каждомъ материкѣ, а потомъ подробнѣе разберемъ физическія свойства Европы, отдѣльно взятой. Изъ подобнаго разбора высказывается характеристика этой части свѣта, обнаруживаются своеобразныя качества и индивидуальность ея, слѣдовательно и индивидуальное ея вліяніе на ходъ исторіи рода человѣческаго, равно и на исторію каждаго отдѣльнаго народа и такимъ образомъ географическое изученіе Европы становится существенною частію распознаванія нашей планеты вообще. Тутъ должны мы рассмотретьъ законы построенія языковъ и ихъ взаимныхъ отношеній, въ той мѣрѣ, какъ они принадлежатъ Европѣ, какъ материку самостоятельному или земному индивидууму, отъ другихъ независящему. Уже *Страбонъ* (II, 127) говоритъ, что Европа совершенно удовлетворяетъ самой себѣ (πρὸς ἑαυτὴν καὶ πρὸς τοὺς ἀνταρκειοτάτους ἐστίν).

Отъ этой *общей* части совершенно отличается *спеціальная* часть, имѣющая предметомъ своимъ разсматриваніе частей европейскаго материка или европейскихъ странъ. Страны эти, въ свою очередь, не должны быть разсматриваемы какъ одно только скопленіе лежащихъ другъ возлѣ друга земель. Поэтому мы не называемъ ихъ частями мертвой массы, въ механическомъ смыслѣ этого слова, а *членами* связанныхъ между собою, нераздѣльныхъ частей организма, существенную принадлежность котораго онѣ составляютъ. Онѣ принадлежатъ организму по необходимости, а не случайно, ибо всякій организмъ образуетъ систему, существованіе котораго подлежитъ извѣстнымъ, необходимымъ условіямъ. Всякому организму присуща особенная,

внутри его находящаяся сила (вообще называемая жизнью), обуславливающая взаимную связь, взаимодѣйствіе всѣхъ частей, и жизненное напряженіе, а вслѣдствіе этого и развитіе этихъ частей, ихъ преуспѣяніе и единство. Въ растеніяхъ и животныхъ даже необразованный человѣкъ легко можетъ замѣтить эту внутреннюю связь. Безъ корня дереву существовать невозможно. Въ болѣе простыхъ организмахъ связь эта становится уже менѣ замѣтною. Впрочемъ новѣйшей наукѣ и въ малѣйшихъ организмахъ, въ совершенно даже безжизненныхъ, видимому, предметахъ, папримѣръ—въ кристаллизаціи, удалось доказать нѣчто подобное вышеупомянутой цѣльной организаціи: въ полярной дѣятельности магнита и турмалина; въ свѣтовыхъ дѣйствіяхъ двуоснаго полевого шпата,—стало быть даже и въ такъ называемыхъ неорганическихъ тѣлахъ. Никто, конечно, не станетъ сомнѣваться, что хоботъ или рога принадлежатъ животному, подобно какъ вѣтви и цвѣтокъ составляютъ принадлежности дерева, на которомъ они находятся, составляютъ члены одного организма. Что же касается до расчлененій частей свѣта, то они долгое время разсматриваемы были не какъ болѣе или менѣ существенныя и необходимыя принадлежности этихъ материковъ. Здѣсь многое до сихъ поръ еще принимается за нѣчто совершенно случайное, а между тѣмъ оно столь же органически связано съ цѣлымъ, какъ вѣтвь связана со стволомъ, корнемъ, вѣнчикомъ, цвѣткомъ и плодомъ. Такая связь находится, напримѣръ, между системой Альпійскихъ горъ и существованіемъ средней Европы, между Средиземнымъ моремъ и культурнымъ развитіемъ трехъ южныхъ европейскихъ полуострововъ. Еслибы можно было отторгнуть Италію отъ южной Европы, то вслѣдствіе этого совершенно измѣнилась бы вся Европа.

Кромѣ явленій растительнаго и животнаго міра существуетъ еще другой великій міръ явленій, который, въ отличіе отъ прежняго, обыкновенно называютъ міромъ неодушевленнымъ. Даже на языкѣ наукомъ его называютъ неорганическимъ міромъ, а предметы, входящіе въ составъ его — неодушевленной, мертвой природой. Мы не можемъ согласиться съ воззрѣніями, послужившими основаніемъ для подобнаго обозначенія. На землѣ существуетъ планетная жизнь, нѣтъ кончины, нѣтъ смерти. Мы должны разумѣть подъ этимъ только относительныя, а не абсолютныя противоположности; рѣзкаго контраста между дѣйствующимъ и недѣйствующимъ въ природѣ не существуетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что существуетъ мировая жизнь въ



обширномъ значеніи слова, обнимающая всю такъ называемую неорганическую природу и возвышающая ее на степень великой системы міра. Даже въ химіи нельзя было обойтись безъ выраженія избирательнаго сродства, равно какъ и въ физикѣ безъ названія полярныхъ и магнитныхъ силъ. Мы въ другомъ мѣстѣ (\*) уже доказали, что при образованіи земли замѣтна планетная органическая связь, замѣтна космическая индивидуальность, космическая жизнь, т. е. внутреннее, высшее условіе, необходимое для поддержанія взаимной связи и прогрессивнаго развитія земнаго шара, и потому мы въ правѣ предполагать, что все это извѣстно уже нашимъ читателямъ.

По этому разсужденію наше будетъ содержать въ себѣ: ученіе о *цѣломъ* и *частяхъ* этого цѣлаго или изслѣдованіе Европы, одной изъ пяти частей свѣта, находящихся на поверхности нашей планеты, и составныхъ частей ея большаго и меньшаго размѣра. Отсюда происходитъ *общая* и *спеціальная* часть нашей науки. Обѣ эти части существенно отличаются отъ дѣленія, обыкновенно употребляемаго въ учебникахъ географіи, на которые мы по этой причинѣ и не можемъ ссылаться, хотя и убѣдительно рекомендуемъ ихъ какъ первоначальныя руководства. Предлагаемое сочиненіе должно служить лишь ключемъ къ уразумѣнію матеріала, но само не должно повторять этотъ матеріалъ, который легко найти въ географическихъ учебникахъ. Главный предметъ послѣднихъ — описательная географія; изложенія же географическихъ отношеній и законовъ явленій мы вовсе въ нихъ не встрѣчаемъ, частію потому, что эти законы и отношенія еще не изслѣдованы, частію же и потому, что нѣкоторыя изъ нихъ, недавно открытыя, содержатся въ учебникахъ *физики и естественной исторіи* или въ сочиненіяхъ физико-телеологическихъ.

Естественная исторія имѣетъ дѣло съ индивидуальностями растеній, животныхъ и минераловъ. Физика изслѣдываетъ естественные законы явленій, а не мѣстную связь ихъ и проявленіе ихъ во времени и пространствѣ. Доказать теллурическую связь этихъ планетныхъ явленій, изслѣдовать законы ихъ, — вотъ задача географической науки, которая именно чрезъ это изъ простаго описанія становится ученіемъ о соотношеніяхъ. Лишь изъ наблюденій причинной связи явленій проистекаютъ правила и законы, которымъ подчиняются эти явленія, и только тогда составляется ученіе о пространственныхъ

---

(\*) См. *Общее Землеустройство* Карла Риттера, переводъ Ян. Вейнберга. Изданіе А. И. Глазунова. Москва 1864.

отношеніяхъ. Если же географія будетъ останавливаться лишь на матеріалѣ, то обратится въ механическое описаніе, въ сухой перечень и не будетъ академическою наукою, — наукою, ведущею къ философскимъ разсужденіямъ.

Мы попытаемся представить здѣсь вещество и форму во внутренней, причинной ихъ связи, равно и въ мѣстныхъ ихъ проявленіяхъ.

Хотя Европа и самая меньшая изъ частей свѣта, составляющихъ древній міръ, но она служитъ доказательствомъ тому, что даже и въ такъ называемыхъ неорганическихъ тѣлахъ не одно только количество, не одна масса обуславливаетъ собою относительно — большую или меньшую развитость планетнаго міра. Будучи разсматриваема даже съ одной лишь механической точки зрѣнія, Европа равноправна съ большими, сосѣдними ей частями свѣта. При нынѣшнемъ состояніи исторіи рода человѣческаго, Европа составляетъ безспорно преобладающую часть на земномъ шарѣ. Она не была во всѣ времена важнѣйшею частію свѣта, но сдѣлалась ею съ теченіемъ времени. Останется ли она таковою и на будущее время — это другой вопросъ, на который можно будетъ отвѣтить только въслѣдствіи. Европа сдѣлалась главнымъ пунктомъ, гдѣ древній міръ встрѣтился съ новымъ. Малѣйшая часть свѣта стала самою могущественною; своими многочисленными народными племенами она опередила другія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи; она господствуетъ надъ ними, кладетъ на нихъ европейскій отпечатокъ, подобно тому, какъ нѣкогда сама, хотя лишь отчасти, подчинилась было владычеству востока. Европа есть центръ просвѣщеннаго и образованнаго міра. Отъ ней исходятъ благотѣльные лучи во всѣ концы земнаго шара.

Если Индусъ разсматриваетъ землю какъ цвѣтокъ лотоса, поднявшійся изъ океана, то житель запада въ правѣ сравнивать весь древній міръ съ плодовымъ деревомъ, или другимъ могущественнымъ растеніемъ, представляющимъ три столістныхъ, дивныхъ цвѣтка въ различные періоды своего развитія. Азія — величайшій, красивѣйшій, богаче всѣхъ одаренный цвѣтокъ отцвѣлъ и отчасти уже потерялъ свои листья; Европа, въ теченіи вѣковъ великолѣпно развившаяся, мѣстами производитъ уже сѣмена и разбрасываетъ ихъ по другимъ странамъ, для временъ грядущихъ; наконецъ Африка еще не распустившійся лотосъ, только что начинающій развиваться съ краевъ. Исто-

рический элементъ есть богатѣйшій даръ, доставшійся Европѣ въ удѣлъ. Этому элементу здѣсь суждено было развиваться гораздо лучше и благодотворнѣе, чѣмъ въ Азіи и Африкѣ, богаче надѣленныхъ природою. Въ Европѣ природа не является въ такомъ великолѣпнѣи и не представляетъ столь разнообразныхъ явленій. Почва Европы, по протяженію своему, гораздо меньше, формы горизонтальнаго ея протяженія гораздо болѣе ограничены, край ея болѣе сближаются между собою и контрасты менѣе замѣтны. Что касается до климатическихъ контрастовъ, то не можетъ быть никакого сравненія съ Азіей и Африкой, равно и касательно совершеннаго безплодія и отличнаго плодородія почвы; поэтому въ Европѣ не встрѣчаемъ мы той роскошной растительности, того изобилія животныхъ, которое въ другихъ частяхъ свѣта оспариваетъ у человѣка владычество надъ почвой. Здѣсь мы не встрѣчаемъ пустынь подобно Сахарскимъ, не видимъ Бухарскихъ степей и непроницаемыхъ тропическихъ лѣсовъ, какъ на берегахъ Амазонки; нѣтъ прыностей, нѣтъ пальмъ, нѣтъ стадъ антилопъ и газелей, нѣтъ стай красивыхъ попугаевъ и колибри или стадъ обезьянъ, нѣтъ также и странъ изобилующихъ алмазами и золотомъ. Вообще нѣтъ рая, но за то нѣтъ и совершенныхъ пустынь.

Ограниченное пространство, занимаемое Европою, благодаря незначительной разнородности частей ея и менѣе значительнымъ природнымъ контрастамъ, способствовало бѣльшему единству отношеній цѣлаго. Европа не есть страна великихъ чудесъ. Другія части свѣта постоянно заставляютъ насъ удивляться чрезвычайнымъ естественнымъ явленіямъ, ими представляемымъ. Это уже замѣчено было древними: Геродотъ (III, 106), рассказывая о драгоцѣнныхъ произведеніяхъ Аравіи и Индіи, говоритъ: «αἱ δ' ἔσχαται ὡς τῆς οἰκουμένης τὰ κάλλιστα ἔλαχον» — оконечностямъ земли выпали на долю красивѣйшія формы». Плиніево изрѣченіе, (по Аристотелю Hist. Anim. VIII, 28): «semper novi aliquid Africam afferre» — осталось поговоркой и понынѣ, равно какъ и изрѣченіе его (VII. 2): Praecipue India Aethiopumque tractus miraculis scatent, и теперь столь же вѣрно, какъ и въ его время. Всѣ историки временъ Александра Великаго много повѣствуютъ о чудесахъ индійскаго міра. Чтѣ сказалъ бы Плиній о полярныхъ земляхъ, чтѣ объ Америкѣ, еслибы страны эти были извѣстны въ то время! Мы съ молодости привыкли къ чудесамъ дальнихъ странъ, — *Mirabilia mundi*, какъ называли ихъ въ средніе вѣка, слышали о громадной цѣпи Гималаи, о которой въ началѣ ны-

нѣшняго столѣтія еще ничего не знали; мы знакомы съ неизвѣстными еще плоскогоріями Азіи, ея многочисленными народными племенами, нарѣчіями и громадными рѣчными системами, съ индійскою природою, роскошными южными странами Азіи, производящими пряности, равно какъ съ сибирскимъ, полярнымъ міромъ. *Африка* отличается своей недоступностію, своими песчаными степями, своими невыносимо-жаркими днями, за которыми слѣдуютъ столь холодныя ночи, что цѣлыя бригады иногда замерзали (какъ это случилось въ Алжирѣ), своими безчисленными эіопійскими племенами, пальмовыми рощами, изобилующими финиками, очаровательными мѣстами посреди пустынь. — *Америка* представляетъ намъ Кордильеры, вѣчно дѣйствующіе вулканы, обширныя равнины (prairies) и саванны, страны, знаменитыя по своимъ землетрясеніямъ, первобытные лѣса, временныя прѣсноводныя моря, роскошную растительность, плодородную почву, судоходство, соединеніе рѣкъ самыхъ отдаленныхъ между собою странъ и колоссальныхъ рѣчныхъ системъ, стаи прелестныхъ колибри и изобиліе рудоносныхъ горныхъ породъ. *Австралія* отличается ненормальными формами своего растительнаго міра, породами животныхъ, даже человѣческими племенами, находящимися на самой низкой степени развитія и изобиліемъ золота. *Полярный міръ* показываетъ намъ чудеса своихъ ледяныхъ горъ, вѣчное замерзаніе земли до значительной глубины, изъ которой однакоже бьютъ кипящіе ключи и водометы, какъ напр. на островѣ Исландіи; вблизи южнаго полюса мы встрѣчаемъ двѣ огнедышашія горы Эребусъ и Терроръ. Въ Европѣ мы не видимъ ни одного изъ этихъ и многихъ другихъ удивительныхъ явленій природы внѣ европейскаго міра; едва существуютъ здѣсь слабыя аналогіи этому, и вмѣсто контрастовъ видимъ мы гармонію формъ и явленій. Европа находится внѣ полярнаго и внѣ тропическаго міра. Полюсы и тропическія страны въ такой степени различны между собою, что могли бы принадлежать двумъ совершенно различнымъ планетамъ. Еслибы житель Гренландіи изъ полярнаго американскаго сѣвера перенесенъ былъ въ тропическое Перу или въ роскошную Бразилію, то могъ бы подумать, что онъ попалъ совсѣмъ въ другой міръ или на луну, но никакъ не на землю и не въ собственную свою часть свѣта — Америку, гдѣ онъ родился и воспитывался. До такой степени полярный міръ Америки отличенъ отъ тропическаго, хотя оба они находятся въ одной и той же громадной части свѣта. То же самое было бы и съ азіятскимъ

Тунгусомъ или Якутомъ въ Малаккѣ или на островѣ Цейлонѣ, еслибы онъ изъ мшистыхъ пустынь своихъ, отъ тундръ, отъ необозримыхъ снѣжныхъ равнинъ и отъ оленьихъ стадъ своихъ, внезапно перенесенъ былъ въ пахучіе лѣса, гдѣ растетъ корица или въ кокосовыя рощи, наполненные стаями попугаевъ и обезьянами.

Совсѣмъ другое видимъ мы въ Европѣ. *Сѣверныя и южныя оконечности* ея хотя и различны между собою, но не образуютъ совершенныхъ контрастовъ. Человѣкъ можетъ привыкать къ тому и другому. Явленія, представляемые обѣими этими странами все таки между собою сходны, какъ относительно климата, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Нѣмцы, обитающіе средину Европы, могутъ наслаждаться сѣв. природою Норвегіи, равно и природою южной Италіи. Теплый потокъ Гольфстрима, выходящій изъ тропическаго мексиканскаго моря, возвышаетъ температуру европейскихъ западныхъ прибрежій и температуру воздуха, вплоть до самого полярнаго пояса. Прибрежье Лингена (къ востоку отъ Тромсѳа, у Лингенфюрда, почти подъ 70° сѣв. шир.) считается еще хлѣбородною полосою. То же самое земледѣліе встрѣчаемъ мы начиная съ южной оконечности Европы до крайняго сѣвернаго предѣла этой части свѣта, до Колы подъ 68° сѣв. шир. и Архангельска на Бѣломъ морѣ (64° с. ш.). Близъ Альтена и Альтенгаарда (70° с. ш.) встрѣчаются богатые сосновые лѣса и березовыя рощи, между тѣмъ какъ подъ одинаковыми географическими широтами, далѣе къ востоку, у южной оконечности Новой Зѣмли, у устья Енисея и Колимы, давно уже не встрѣчается ни одно дерево, а одинъ только скудный, малорослый кустарникъ. Въ Альтенгаардѣ на островѣ Тромсѳа цвѣтеть вишня, а въ защищенныхъ долинахъ поспѣваетъ земляника. При устьѣ Сѣверной Двины, близъ Архангельска (65° с. ш.), находится Розовый островъ, знаменитый изобиліемъ растущихъ на немъ дикихъ розъ.

Напротивъ, у южной оконечности Европы, наиболѣе близкой къ жаркому поясу, въ Испаніи (37° с. ш.), въ Сициліи (38°), въ Кандіи (35°), жаръ уменьшается вслѣдствіе умѣренной температуры воды и морскихъ вѣтровъ, также и вслѣдствіе поднятія береговъ въ болѣе холодные слои воздуха, сравнительно съ противолежащей плоской, низменной дельтой Нила и Алжиріей. На Сіерра-Невадѣ въ Гранадѣ, на вершинѣ Этны въ Сициліи, вѣчный снѣгъ начинается на высотѣ 10,000—11,000 футовъ, равно какъ и на вершинѣ Иды на островѣ Кандіи. На южной отлогости Парнасса въ южной Греціи, осенью 1837

года 4 октября, я самъ былъ свидѣтелемъ первой мятели случившейся въ этомъ году. На высотахъ южныхъ Пиринеевъ, въ Каталоніи, я въ 1845 г. уже въ августѣ встрѣтилъ осенній цвѣтокъ, растущій въ сѣверной Германіи на лугахъ, именно луговой шафранъ (*Colchicum autumnale*). Но никогда мускатный орѣхъ и коричневое дерево южной Азіи не встрѣчаются въ Сибири; тамъ слонъ никогда не попадаетъ вмѣстѣ съ стадами оленей. Сѣверная и южная оконечности Азіи безконечно отдалены другъ отъ друга.

Еще болѣе сходства имѣютъ между собою въ климатическомъ отношеніи *восточныя* и *западныя* оконечности европейскаго материка. Европейскія столицы, лежащія на западѣ и на востокѣ, могутъ быть центрами одинаковой цивилизаціи. Парижъ и Москва, Лиссабонъ и Астрахань, Мадридъ и Константинополь весьма сходны между собою и различія между ними незначительны. Возможно-ли подобное сходство между Калькутой, Иркутскомъ или Тобольскомъ, между Вавилономъ и Пекиномъ? Подобно климату, и всѣ прочія явленія органическаго міра, ими обусловливаемые, мало различны между собою. Вотъ почему одно и то же человѣческое племя могло населять всю Европу; мало того: одно и то же германское племя, особенно же вѣтвь его — норманское, вышедшее изъ кавказскихъ вершинъ Азіи, могло усвоить себѣ европейскую цивилизацію въ Андалузій, Каталоніи, Калабріи и Сициліи, равно и въ Нормандіи, въ сѣверной Норвегіи, въ Рюриковомъ царствѣ, и даже на островѣ Исландіи и достигнуть высшей степени духовнаго развитія.

Подобное не могло бы случиться съ сибирякомъ въ Индіи или съ Индѣйцемъ въ Сибири. Монгольское племя при наслѣдникахъ Чингисхана повсюду уничтожилось въ южной Азіи. Монголы въ знойномъ Индостанѣ перестали быть Монголами, а сдѣлались изнѣженными Индусами. Манджуры подвигаясь изъ дальняго сѣвера въ южный Китай, потеряли сѣверный свой жесткій характеръ и обратились въ изнѣженныхъ Китайцевъ. Одни лишь средне-азіатскія племена, какъ на примѣръ, древніе бѣлокурые, голубоокіе народы, единоплеменники Персовъ, Арійскія племена, говорящія на индогерманскихъ языкахъ, изъ однородныхъ и совершенно подобныхъ климатовъ могли переселяться на европейскую почву и тамъ, если не преуспѣвать, то, по крайней мѣрѣ, прозябать.

Что касается американскаго Новаго Свѣта, то еще менѣе можно себѣ представить, чтобы коренные жители: Перуанцы, Мексиканцы,

могли жить въ Гренландіи и въ южномъ Чили, подобно Европейцу, распростанившему свои колоніи, начиная съ Гренландіи (70°), по всей средней Америкѣ до южной оконечности Чили и Патагоніи.

Стало бытъ, Европа счастливымъ своимъ климатомъ и умѣренностью своихъ временъ года обязана ограниченности занимаемаго ею пространства и, вслѣдствіе этого, положенію своему подъ средними широтами. Уже Гиппократъ называетъ Европу самымъ удобнымъ жилищемъ для рода человѣческаго—*χρῆσις τῷ ὄρεον*. Вотъ даръ природы, которому Европа обязана и великимъ своимъ историческимъ единствомъ и гармоніею, которые мы вовсе не встрѣчаемъ въ другихъ частяхъ свѣта, или же которые свойственны нѣкоторымъ отдѣльнымъ ихъ странамъ.

Большей гармоніи физическихъ отношеній соотвѣтствуетъ и большая воспримчивость и способность къ развитію материковъ нашей планеты. Это преимущество составляетъ характеристическое свойство Европы. Ограниченность контрастовъ въ климатическомъ отношеніи, отличающая Европу отъ другихъ частей свѣта, обуславливаетъ и скорѣйшій обзоръ прочихъ физическихъ отношеній, большее единство всѣхъ органическихъ произведеній, всѣхъ явленій растительнаго и животнаго царства, также и этнографическихъ отношеній. По этой причинѣ ни фауна, ни флора, при всемъ ихъ разнообразіи, не представляютъ столь рѣзкихъ противоположностей, какія встрѣчаемъ мы въ другихъ частяхъ свѣта. Въ Азіи видимъ мы рѣзкій контрастъ между сибирскими равнинами, покрытыми оленьимъ мхомъ, занимающими многія сотни миль, и индійскими банановыми рощами и лѣсами кокосовыхъ пальмъ; въ Америкѣ — между тѣнистыми, непроницаемыми первобытными лѣсами и сочными растеніями и травами въ человѣческой ростъ саванъ и прерій на югѣ и на сѣверѣ. Дѣйствительно, не по причинѣ близости и не по привычкѣ только наши европейскія растенія и животныя кажутся намъ самыми обыкновенными: доказано путемъ научнымъ, что животныя эти образуютъ среднюю группу организмовъ, въ другихъ же частяхъ свѣта эти формы расходятся по весьма различнымъ направленіямъ. Стоитъ припомнить только европейскіе древесные плоды и хлѣбныя растенія. Эта особенность Европы проявляется и въ родѣ человѣческомъ. Извѣстно, что форма черепа кавказскаго племени, равно и бѣлизна кожи могутъ измѣняться многообразно и переходить во всѣ другіе цвѣта и формы, но не обратно; гармонія всѣхъ частей тѣла выражена въ характерѣ грече-